

Р. Г. НАЗИРОВ

**«НАГЛЯДНАЯ ДИПЛОМАТИЯ» И ПРЕДМЕТНОЕ
ИНОСКАЗАНИЕ В ФОЛЬКЛОРЕ И ЛИТЕРАТУРЕ
(К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА)**

1. Ветхозаветное предание рассказывает, как Саул, получив известие об осаде Иависа, изрубил двух волов, на которых пахал землю, и разослал их куски по всем коленам израильским с пояснением, что так будет со всяким, кто не пойдет за Саулом и Самуилом. Народ, охваченный страхом божьим, вышел весь, как один человек, и во главе огромного ополчения Саул на голову разбил аммонитян (1-я книга Самуила, 11).

Некоторые комментаторы толкуют этот эпизод как приступ пророческого экстаза или безумия Саула¹. Такое объяснение возникло вследствие забвения древних обычаев «наглядной дипломатии», особенно при объявлении войн и созыве ополчений.

Полагаем, что форма созыва ополчения, примененная Саулом, есть реликт древнего обычая кочевых, скотоводческих народов. Ветхий Завет создавался в то время, когда евреи давно перестали быть племенем пастухов, поэтому древний обычай здесь переосмыслен. Но другие народы Азии сохраняли эту традицию. Так, по рассказу Лукиана, скифский вождь Арсак перед походом на боспорского царя изжарил быка, разрезал тушу на куски и разложил их на бычьей шкуре, на которую сам и уселся: кто брал кусок мяса и съедал, того он считал своим союзником в предстоящей войне. Из этого ясно, что обрядовое угощение перед войной оставляло за кочевниками право выбора. Рассечение волов Саулом восходит к этому обряду, но его угроза всем, кто не примет участия в войне, была не «пояснением» обряда (ибо обряды в пояснениях не нуждаются), а добавлением к нему, нарушившим древнее право: поэтому ему и уделяется столь важное место в истории первого царя Израиля.

Переосмысление обрядового пира накануне войны совершилось рано, однако реликты обычая сохранялись тысячи лет.

¹ См.: К о с и д о в с к и й Зенон. Библейские сказания. М., 1966, с. 321.

В XIX в. имам Шамиль послал племенам кавказских горцев мясо, землю и воду в знак того, что они будут изрублены, лишены земли и воды, если не поддержат священной войны против «неверных».

Элементы «наглядной дипломатии» мы находим у многих древних народов. По Геродоту, скифы послали Дарию I в начале его похода (514 г. до н. э.) птицу, мышь, лягушку и пять стрел. Смысл этих «даров», т. е. предметного письма, расшифровывался так: «Если вы, персы, как птицы не улетите в небо, или как мыши не зароетесь в землю, или как лягушки не поскачете в болото, то не вернетесь назад, пораженные этими стрелами»².

В древнем Риме, по рассказу Тита Ливия, при объявлении войны представитель жреческой коллегии фециалов отправлялся к границе враждебного города и бросал на его землю дротик с обожженным и окровавленным концом³.

У древних шотландцев в случае войны вождь посылал кланам сигнал ополчения — два связанных вместе окровавленных прута («огненный крест»). В Польше сходный обычай сохранялся вплоть до позднего Средневековья: созывая всеобщее ополчение, король рассылал панам «wici» (ср. древнерусское «вица» — прут, розга). Первоначально это были связки прутьев, которые гонец бросал к порогу дома. Позже к предметному символу стал присоединяться и письменный приказ, но символ сохранился: так долго действовало исконное предпочтение предметной символики, убежденность людей в том, что вещественная наглядность сильнее слова.

Историки хорошо знают традицию «наглядной дипломатии», однако до сих пор не поставлен вопрос о том, что она составляет лишь часть древнего и, видимо, всемирного «языка» — предметного иносказания. Кроме того, не изучены функции этого «языка» в системе культуры вообще, в фольклоре и литературе — в частности.

2. Функции предметного иносказания были весьма различны. Очевидно, в некоторых ситуациях словесное высказывание было нежелательно и заменялось предметным посланием по разным причинам: например, в знак презрения к адресату. Этим обусловлена традиция символических извещений о немилости владык.

Монгольские каганы XIII века посылали опальному полководцу кафтан без пояса — это означало отставку. Если же неудачник получал от кагана дохлую мышь, он обязан был покончить с собой. В более поздние времена турецкие султаны посылали в таких случаях шелковый шнурок, на котором опальный вельможа должен был удавиться.

В России XVIII века Роман Воронцов разорил три губернии, наместником которых он был; народ прозвал его «Роман — боль-

² Геродот. История в девяти книгах. Л., Наука, 1972, с. 219—220.

³ См.: Titus Livius. Ab urbe condita libri 1, 32.

шой карман». В день его именин Екатерина II послала ему в подарок кошелек, и потрясенный Воронцов скоро умер.

Еще в XX веке у японских самураев сохранялся обычай: видя, что один из них задерживается с обязательным для него по кодексу чести харакири, они наносили ему церемониальный визит и оставляли в подарок меч. Это типичный эвфемизм — намек на действие, которое не следует называть.

3. Учет традиций предметного иносказания необходим для точного понимания многих произведений мирового фольклора. Особый интерес представляет франкская легенда VI века о Клотильде Младшей. Отцом ее был король Хлодвиг, а матерью — королева Клотильда, под влиянием которой Хлодвиг крестился и которая была причислена церковью к лику святых. Дочь св. Клотильды вышла замуж за короля вестготов Амалариха, который, будучи арианином, подвергал жену жестоким истязаниям за ее верность католическому правоверию. Клотильда Младшая послала своему брату Хильдеберту I свою окровавленную рубашку; Хильдеберт пошел войной на вестготов и разбил их при Нарбонне. Амаларих погиб.

Смысл сигнала окровавленной рубашки (по другой версии платка) — это призыв к отмщению. Видимо, этот смысл забылся у норвежцев, когда сложилась народная баллада «Улав и Кари». В ней оклеветанная свекровью и до смерти избитая мужем Кари, умирая, просит его омочить в ее крови рубашку и отвезти к ее матери:

«Проси рубашку постирать
И замуж сестер не выдавать».

Сама же Кари после смерти умоляет Деву Марию простить ее мужа. Парадокс в сюжете возник из-за того, что легенда о Клотильде Младшей получила искусственную моралистическую концовку⁴.

На похоронах Юлия Цезаря была построена «модель» храма Венеры; внутри стояло ложе, убранное златотканым пурпуром, а у изголовья был помещен трофей с одеждой, в которой Цезарь был убит. В трагедии «Юлий Цезарь» Шекспир совершенно правильно развил эту тему погребального обряда в известном монологе Антония, показывающего народу окровавленную, продырявленную кинжалами одежду Цезаря и поднимающего римлян на восстание.

Смысл кровавой рубашки поясняет нам и сохранившаяся до XIX века корсиканская вендетта: одним из ее обычаев было хранение в семье окровавленной одежды убитого родственника. Ее показывали детям, воспитывая ненависть к убийце и жажду мести. Сходные обычаи существовали у народов Кавказа, долго сохранявших традиции кровной мести.

⁴ Скандинавская баллада, Л., 1978, с. 34—37, примеч. с. 249.

4. Объем статьи вынуждает нас ограничивать обзор предметной символики древности, опуская, например, символику земли, воды, передачу огня, зеркала, уздечки и т. п. Перейдем к более поздней эпохе. В предметной символике феодальной Европы главную роль играли меч, перстень и перчатка. Рассмотрим лишь некоторые примеры с перчаткой.

Общеизвестно, что бросание перчатки — это вызов на поединок. Но символ имел и другие значения: так, в героическом эпосе франков умирающий Роланд в знак верности богу отдает ему свою правую перчатку, и архангел Гавриил принимает ее от имени небесного сюзерена. Масоны XIX века при посвящении получали особые перчатки, которые они должны были поднести своим избранникам в знак почтения и преданности (см. «Войну и мир» Л. Н. Толстого).

Перчатку дамы сердца рыцарь носил на шлеме. В 1800 г. царь Павел, одержимый рыцарской манией, приказал окрасить Михайловский замок в цвет перчатки с руки Анны Лопухиной. Шиллеровский рыцарь Делорж, подняв перчатку дамы в Löwen-garten императора Франца, не просто относит ее владелице, а бросает ей в лицо («Перчатка»).

5. Широчайшую роль играет предметное иносказание в ритуале ухаживания, сватовства и свадебных обрядах разных народов. Долго сохранялся на Украине обычай вместо словесного отказа сватам «подносить гарбуза» (тыкву). На мусульманском Востоке исключительное развитие получила любовная предметная символика.

Яркий пример ее мы находим в «Сказке о любящем и любимом» из «Тысяча и одной ночи» (ночи 112—128), в которой центральное место занимает диалог загадками, типичный для всего мирового фольклора; но здесь он выражен в жестах и предметном иносказании. Платок «указывает на привет от любящих возлюбленным», зеркало, засунутое в кошель, — на час захода солнца, а горшок с зелеными растениями — на сад: таким образом юноше Азизу назначается тайное ночное свидание. Но он засыпает в ожидании красавицы и утром находит у себя на животе соль и уголь; соль означает, что он похож на скверное кушанье, и его надо посолить; уголь значит: «очерни Аллах твое лицо, раз ты ложно объявил себя любящим».

Проспав второе свидание, Азиз обнаруживает игральную кость, палочку для игры в таб, финиковую косточку и семечко сладкого рожка. Игральные принадлежности говорят о несерьезности его чувства, финиковая косточка и семечко рожка — о сладости сна, которая для него превышает сладость любви. В третий раз он находит острый нож и дирхем (монету). Дирхем обозначает правый глаз, а вместе с ножом образует угрозу: «Клянусь господом миров и моим правым глазом, если ты вернешься другой раз и уснешь, я зарежу тебя этим ножом!» «Сказка о любящем и любимом» изобилует стихотворными вставками

и отличается литературной изысканностью, но такие символы, как соль, зеркало, платок, нож, очень близки к фольклорным источникам и распространены у многих народов.

Предметная символизация диалога загадками и любовного объяснения характерна для всего Востока. Так, в турецкой сказке⁵ происходит диалог влюбленных при помощи подарков. Девушка шлет претенденту на ее руку пару серег, что означает: «Хотим ли мы вступить в брак?» Жених возвращает серьги, добавив к ним жемчужину: «Мы хотим даже произвести ребенка». Девушка шлет парные алмазы и сахар: «Подходим ли мы друг к другу?» Жених растворяет сахар в молоке, туда же кладет алмазы и отправляет: «Подходим». Девушка посылает перстень, что означает вопрос: «Верен ли ты?» Юноша дарит рубин: «До последней капли крови». Здесь символика сложнее, чем в арабской сказке, но перстень как символ верности характерен для быта и фольклора многих народов.

Еще более изощренное любовное объяснение изобразил Дж. Морниер в романе «Похождения Хаджи Бабы Исфаганского». Его герой, попав в Стамбул, привлекает внимание некой турчанки. Она бросает ему из окна цветок миндаля. По-турецки миндаль — «фыстык», а традиционная рифма к этому слову — «ястык» (подушка). В старой турецкой поэзии две головы на одной подушке уподобляются двум зернышкам миндаля в одной скорлупе. Поэтому цветок миндаля означает: «Люблю тебя».

Хаджи Баба колеблется; тогда настойчивая красotka посылает ему яблоко, по-турецки «эльма», что рифмуется с призывом «гельяныма» («приходи ко мне»). Дело кончается свадьбой.

На Ближнем Востоке был изобретен «цветочный селям» — условный язык цветов, при котором с толком составленный букет заменял целую фразу. Такой букет на утро после победы над турками М. И. Кутузов послал визирю, что вскоре привело к Бухарестскому миру 16 мая 1812 года, весьма нужному для России ввиду угрозы нашествия Наполеона.

В Западной Европе «цветочному селяму» соответствовал свой язык цветов, у испанок — язык веера, во Франции эпохи рококо — язык мушек (в зависимости от места на лице, куда наклеивалась мушка, она могла означать задор, нежность, призыв, холодность, сомнение и т. п.).

6. Традиция предметного иносказания стала восприниматься на Западе с эпохи Возрождения в качестве пережитка, связанного с суевериями и оккультными науками. Поэтому ее осмеял Рабле, изобразивший в своей бессмертной книге диспут Панурга и Таумаста, где условием поставлено не произносить ни слова.

⁵ Eberhard W., Borataw P. N. Typen türkischer Volksmärchen. Wiesbaden, 1953. Typ 348 (Die Detektive II, Erweiterungen, 5). См. параллели предметных загадок в сказках типа ЕВ 188, 190, 222 и 366. Ср. башкирскую сказку «Алсудар и Кирсудар» (АТ 532, тип «Незнайка»).

Панург, делая гримасы, пощелкивая палочками и куском бычьего ребра, подкидывая апельсин и тряся своим гульфиком, «разрешает» к восторгу Таумаста сложнейшие каббалистические и алхимические проблемы.

Несмотря на это пародирование, которому последовал и Свифт в «Путешествиях Гулливера», предметное иносказание хранилось фольклорной традицией и было воскрешено литературой романтизма. Примером может служить сюжет о браке со статуей, которая наподобие вампира убивает живого супруга (баллада Томаса Мура «Кольцо»). Сюжет развил П. Мериме в новелле «Венера Илльская», где герой во время игры в пелоту снимает мешающий ему обручальный перстень и надевает на палец античной статуи; после игры перстень оказывается невозможным снять, будто Венера согнула палец; ночью она приходит к дерзкому и душит его в своих объятиях. Сюжет двусмыслен и поддается рациональному объяснению (месть герою за его насмешки со стороны проигравших), но сам Мериме скорее внушает идею роковой кары за пренебрежение символикой кольца.

Начиная с Э. По, предметное иносказание играет заметную роль в детективной новелле как разновидность загадки или шифра. В повести Р. Л. Стивенсона «Остров сокровищ» описан пиратский обычай посылать отступнику «Черную метку», а в рассказе А. Конан Дойла «Пять зернышек апельсина» подобное значение имеют апельсиновые зерна, которые Ку-Клукс-Клан посылает вместо письма своим отступникам в ознаменование смертного приговора.

7. Для средневековой Руси тоже характерно предметное иносказание: известно, к каким историческим последствиям привели символические жесты Софьи Витовтовны, сорвавшей на пиру пояс с Василия Косого, или Ивана III, разорвавшего и растоптавшего ханскую басму. Символична была «форма» опричников Ивана Грозного, с обязательной метлой и собачьей головой у седла.

Традиция жила и в России нового времени. Об этом свидетельствует, например, известный жест Суворова, который после взятия Праги (1794 год), встречая депутацию из Варшавы, обнажил свою шпагу и бросил ее наземь, сказавши: «Мир!»

Преломление шпаги над головой преступника входило в обряд «шельмования»: так были «ошельмованы» декабристы. Без этой детали нынешний читатель не понимает точного смысла стиха из пушкинского «Послания в Сибирь»: «И братья меч вам отдадут» (т. е. вернут права гражданства).

В русских сказках предметы в основном магичны, а не символичны. Однако наряду с волшебным предметом часто встречается предмет как опознавательный знак (это древний эпический мотив, анагнорисис: ср. прядь волос Ореста, лук Одиссея и т. п.).

К сказке «Два Ивана солдатских сына» (Афанасьев, 155) указан вариант, в котором спасенная от змея царевна дает Ивану

свой золотой перстень. Богатырь разламывает его надвое, одну половинку берет себе, другую отдает царевне. «После по этим половинкам, сложенным вместе, царевна узнает своего избавителя»⁶.

Несомненно, это отражает реально существовавший обычай. Быть может, он восходит к древнегреческому обычаю ломать глиняную тарелку при заключении проксении (наследственной дружбы); половинки ее складывались при встрече проксенов или их детей, этот опознавательный знак назывался «сюмболон» (отсюда и происходит понятие символа).

В сказке «Кощей Бессмертный» (Афанасьев, 158) Иван-царевич и Булат-молодец подают о себе весть Василисе Кирбитьевне, бросив золотой перстень царевича в чашку козьего молока, которым красавица умывалась. Вообще кольцо в чаше вина или ширинка (платок) — наиболее распространенные опознавательные знаки эпического и сказочного героя.

Весьма любопытно двойственное восприятие предметного иносказания в сказке и повести «Шемякин суд»: крестьянин угрожает Шемяке, показывая завязанный в платке камень, а Шемяка понимает это как обещание взятки.

В солдатском фольклоре сохранился анекдотический рассказ о неудачном Прутском походе 1711 года, когда Петр I был окружен превосходящими силами турок. Их военачальник, показывая царю горсть мака, похваляется, что его войско столь же неисчислимо. В ответ Петр I достает из кармана зерно перца и отвечает:

«Мое войско невелико,
А попробуй раскуси-ка,
Так узнаешь, каково
Против войска твоего».

Такой прием, родственный предметному иносказанию, можно определить как наглядное сравнение.

8. На базе описанной традиции предметное иносказание получило большое развитие в новой русской литературе. Так, на нем основаны некоторые метафоры Пушкина. Выше мы цитировали «Послание в Сибирь», можно припомнить «Полтаву», где о Карле XII говорится: «И бросил шпагу под бунчук» (сдается турецкому паше). Оригинальное предметное иносказание образует кульминацию пушкинского «Выстрела», где одна пуля «убивает» другую.

Предметная символика может описываться извне, взглядом этнографа. В «Ночи перед Рождеством» кузнец дарит отцу Оксаны шапку, пояс и нагайку. «Чтоб еще больше не уронить себя, Чуб взял нагайку и ударил его три раза по спине». Гоголь по-

⁶ Русские народные сказки Афанасьева А. Н. Т. 1, М., 1957, с. 498 (комментарий).

нимает чисто условный характер подарка (обещание покорности будущему тестю).

Ап. Майков в стихотворении «Емшан», сюжет которого основан на рассказе Галицко-Волынской летописи, изобразил фактически восточную «наглядную дипломатию», хотя она осмысливается как лирическое напоминание о родных степях.

Для русского реализма характерен остраненный, дистанцированный подход к предметному иносказанию, даже ирония по отношению к банальной символике романтического культурного обихода. Тайную иронию мы чувствуем в форгешихте Павла Петровича Кирсанова («Отцы и дети»): он дарит княгине Р. кольцо с вырезанным на камне сфинксом, а после ее смерти получает подарок обратно. «Она провела по сфинксу крестообразную черту и велела ему сказать, что крест — вот разгадка».

В отличие от такого дистанцированного взгляда на предметную символику, Достоевский широко использует ее в своих сюжетах, на основе традиционных символов строит новые, оригинальные сочетания их и использует предметное иносказание как сюжетный прием, а не как иллюстративную деталь. Таковы остановленные часы Кириллова в «Бесах», сломанная Версильевым икона в «Подростке» и др.

Точно таков же подход Лескова. Основной эпизод «Левши» — это тот, когда туляки отсылают стальную блоху царю, но она более не танцует: после интригующего торможения выясняется, что русские мастера «аглицкую блоху на подковы подковали». Это — предметное иносказание, заключавшееся уже в исходной поговорке, послужившей зерном сюжета. Предметное иносказание составляет ядро рассказа Толстого «Чем люди живы» и некоторых его других народных рассказов.

Наконец, А. Блок создает субъективно окрашенные, но отличающиеся замечательным вкусом и выразительностью предметные иносказания, строя их, как и Достоевский, на традиционной основе:

Я послал тебе черную розу в бокале
Золотого, как небо, ай.
(«В ресторане»)

9. Уже из этих примеров ясна существенная роль предметного иносказания, предметно-символического послания, подарка, опознавательного знака, наглядного сравнения и т. п. в фольклоре и литературе. Примеры можно было бы еще расширить, но думается, сказанного достаточно для такого вывода: даже новая литература не может быть адекватно воспринимается без учета предметно-символической традиции.

Эта традиция коренится в огромной сокровищнице фольклорно-этнографического наследия. Многие предметы-символы сохраняют древние значения, общие для разных народов. Предметное иносказание может быть понято как особая форма загадки и